

УДК 316.62

ЧЕГО БОЯТСЯ ПОДРОСТКИ И МОЛОДЕЖЬ: СТРАХИ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Г.У. Солдатова^{1,2}, С.Н. Илюхина², А.С. Клишевич²

¹ РАНХиГС, Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

² Московский институт психоанализа, Россия, 121170, Москва, Кутузовский пр. 34, стр. 14

Резюме

Работа посвящена изучению динамики картины страхов у подростков и молодежи России в 2021–2022 гг. **Цель** исследования – изучение выраженности и динамики страхов во время второй волны самоизоляции в период пандемии и специальной военной операции у представителей цифрового поколения с разным уровнем пользовательской активности, переживанием смешанной реальности, уровнем цифровой компетентности. **Выборку** исследования в 2021 г. составили 1 087 человек 14–29 лет, в 2022 г. – 1 548 человек 14–30 лет. **Методы.** Пользовательская активность и переживание смешанной реальности измерялись с помощью закрытых вопросов с вариантами выбора. Страхи респонденты выбирали из представленного списка, состоящего из 33 пунктов. В том числе использовались методики: шкала удовлетворенности жизнью и скрининговая версия индекса цифровой компетентности. **Результаты.** Выявлена динамика страхов у подростков и молодежи: в 2022 г. респонденты выбирали в три раза больше актуальных для себя страхов по сравнению с 2021 г. В оба года больше всего цифровое поколение беспокоили потенциальные болезнь и смерть близких. К 2022 г. страхи угрозы физическому благополучию достигли уровня выраженности группы страхов, связанных с самореализацией. В 2021 г. подростки и молодежь с более высокой удовлетворенностью жизнью отмечали, что живут в реальном мире, и больше всего опасались угрозы физическому благополучию и глобальных проблем. В этот период респонденты с более высокими пользовательской активностью и цифровой компетентностью чаще переживали об отсутствии самореализации. Также в 2021 г. респонденты, отмечавшие, что живут в реальном мире, были более удовлетворены жизнью. К 2022 г. данные различия нивелировались. **Выводы.** В ситуациях глобальных кризисов у цифрового поколения страхи, связанные с самореализацией, уступают первое место страхам выживания: страхам за жизнь и здоровье близких, личную безопасность и опасениям глобальных, не подвластных их контролю, но затрагивающих их событий. Однако, судя по общим мировым трендам, при снятии угроз возможно быстрое их преодоление обратно в сторону вектора «от ценностей выживания к ценностям самореализации». Глобальные события изменяют картину страхов молодежи и ставят новые задачи по совладанию с изменениями и выработке стратегий жизни в тревожном мире. Цифровизация всех жизненных сфер для цифрового поколения и новое пространство смешанной реальности, где физическое дополняется цифровым, – значимый ресурс для совладания с «традиционными» страхами, усиленными ростом неопределенности и вызовами реального мира.

Ключевые слова: цифровое поколение; глобальные кризисы; страхи; цифровая социализация; подростки; молодежь; пользовательская активность; удовлетворенность жизнью

Введение

Страх – феномен, который с древних времен рассматривался философами как важнейший элемент человеческого бытия. Общее понимание страха мы находим в толковом словаре В.И. Даля: «Страх – эмоция или чувство, возникающее из-за ощущения воображаемой или реальной опасности» (Даль, 1863). Страх рассматривается исследователями как неизбежная часть нашей жизни и в разных формах сопровождает нас от рождения до смерти. Человек постоянно пытается его преуменьшить, преодолеть, пересилить или обуздать (Риман, 1999).

Философы Древней Греции противопоставляли страх разуму (Баринов, 2019). В средневековой философии он рассматривался главным образом как «Страх Божий» (Дьяченко, 2018). Рационалистская философия Нового времени говорила о страхе как об источнике сомнения, из которого рождается знание (Декарт, 1989), как о рациональной и нравственной эмоции, запускающей разум (Гоббс, 1989), или как о негативном аффекте души, происходящем из памяти о прошедших вещах (Спиноза, 2020). В философской мысли XIX в. датский философ С. Кьеркегор говорит о нем в контексте изучения первородного греха, выделяя «страх-боязнь» (Furcht), появляющийся в результате внешней причины, и «страх-тоску», или «страх-ужас» (Angst), который является переживанием человеком бездны небытия, неразрывно связанной с искушением свободы. Именно последний вид страха в дальнейшем стал прообразом тревоги (Кьеркегор, 2014).

Изучала феномен и экзистенциальная философия XX в. По Ж.П. Сартру, переживания свободы и времени пронизаны тревогой, являющейся результатом саморефлексии, тогда как страх направлен не вовнутрь, а вовне (Сартр, 2015). А. Камю рассматривал экзистенциальный страх как побуждающий элемент, «скуку», которая может пробудить в человеке сознание (Камю, 2021). Н.А. Бердяев считал страх низшим явлением, разрушительным и унижающим человека (Бердяев, 2019).

В психологии феномен страха также занимает значимое место. Дж. Уотсон считал, что у человека существует несколько врожденных страхов, представляющих собой естественную реакцию младенца на потенциальные угрозы, а остальные приобретаются в процессе научения как реакция на условные стимулы (Tomkins, 1970). А. Бандура уточнял, что они появляются в результате «заражения», когда человек воспринимает страхи других (Bandura, 1977). З. Фрейд выделял страх (ожидание опасности), испуг (столкновение с чем-то неожиданным) и боязнь, или фобию (невротический страх), имеющую смещенный объект (Фрейд, 1925; Фрейд, 2018). Советский психиатр и физиолог В.С. Дерябин говорил о страхе как о низшей эмоции, имеющей динамогенное действие на психофизиологические процессы (Дерябин, 1944). А.Н. Леонтьев в рамках теории деятельности – о порождении негативных эмоциональных процессов, которые представляют собой отражение смыслов объектов и ситуаций, воздействующих на субъект (Леонтьев, 1971). Х. Кёлер назвал страх экзистенциальной про-

блемой, обусловленной нашим существованием в мире, с которой необходимо считаться (Кёлер, 2003).

В клинической психологии и психотерапии существуют следующие классификации страхов, рассматриваемых как фобии (навязчивые состояния страха). Д.Б. Карвасарский выделяет основные группы страхов: боязнь пространства; страхи, связанные с обществом; страхи болезней и заражения; страх смерти; сексуальные страхи; страх причинения вреда себе или окружающим; страхи страхов (фобофобия) (Карвасарский, 1990). А. Кемпински выделяет более общие категории – биологические, дезинтеграционные, моральные и социальные страхи (Кемпински, 2000). Многие психологи придерживаются классического деления на биологические и социальные страхи (Захаров, 2000). Ю.В. Щербатых выделяет не две, а три основные группы, добавив к вышеописанным страхам внутренние (существующие только в воображении человека) (Щербатых, 1999). Т.В. Абакумова предложила разделить страхи на основании источников их происхождения: объективные, отсутствия представлений о полноте действительности (социальные и детские), онтологические (страх смерти, Бога) и гносеологические (избыток информации) (Абакумова, 2002).

Многие исследователи останавливаются подробнее на конкретных группах страхов. Например, С.Ю. Мамонтов изучал именно страхи социальные, выделив среди них страх отвержения, боязнь потери, страх публично проявлять свои желания или высказываться, страх принятия решений и страх перед авторитарными личностями (Мамонтов, 2002). Немецкий психолог Ф. Риман более подробно изучал индивидуальные страхи и выделял среди них страх перед самоотвержением, страх перед изменением, страх перед самостановлением и страх перед необходимостью (Риман, 1999). Социологи рассматривают страх как всеобщее явление, результат социальных процессов и катастрофического мышления (Матвеева, Шляпентох, 2000; Витковская, 2003). Социальные страхи нередко определяются как маркер различий в поколениях, так как они основаны на присущих им ценностях (Нарбут, Троцук, 2014) и взаимосвязаны с историческим контекстом (Smolnikova, Gorskikh, Raitina, Suslova, 2020).

Картина страхов формируется в контексте происходящих в мире глобальных событий. Например, во время и после пандемии COVID-19 у молодого поколения вырос страх заражения (Fontenelle et al., 2021; Knowles, Olatunji, 2021), повысился общий уровень тревожности, у старшего – актуализировались конкретные страхи, связанные с пандемией (Shweda et al., 2021), усилились опасения о своем здоровье и здоровье близких, стали более распространенными социальные страхи, а также страхи, связанные с экономическим состоянием и занятостью (Rodríguez-Rey, Garrido-Hernansaiz, Collado, 2020; Peiró, Luque-García, Soriano, Martínez-Tur, 2022). Исследователи предполагают, что пандемия повернула вспять (Пищик, Лобачева, 2020; Абрамова, Антонова, 2021) наблюдавшийся в предыдущие годы тренд на смену ценностей выживания ценностями самореализации (Inglehart, Weizel, 2005), однако последние данные говорят о возвращении данной динамики

в прежнее русло (Митина, Первичко, Чижова, Конюховская, 2023)¹. Отдельно стоит вопрос об изучении страхов, присущих цифровой эпохе, особенно когда речь идет о цифровом поколении, живущем в смешанной онлайн-офлайн реальности, где традиционная социализация взаимодействует с цифровой, опосредованной цифровыми орудиями, расширяющими и дестабилизирующими личность человека (Солдатова, Войскунский, 2021).

В данной работе мы коснемся только «традиционных» страхов и оценим их выраженность у цифрового поколения. Предполагается, что человек вынужден приспосабливаться к постоянно изменчивому нестабильному и тревожному миру, где традиционные основы устойчивости рушатся, а будущее остается неясным, что может трансформировать привычные представления о страхах, способах их преодоления и порождать новые формы совладания с ними.

Цель исследования – изучение выраженности и динамики «традиционных» страхов в разные временные периоды, связанные со второй волной самоизоляции в период пандемии и специальной военной операцией у представителей цифрового поколения (подростков и молодежи), сравнение выраженности страхов у подростков и молодежи, отличающихся по уровню интернет-активности и включенности в процессы цифровизации.

В соответствии с целью были сформулированы следующие *гипотезы*:

1. Динамика выраженности страхов у подростков и молодежи определяется конкретно-исторической ситуацией в разные временные периоды.

2. У подростков и молодежи с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью менее выражены страхи, связанные с самореализацией, и в большей мере выражены страхи, связанные с вопросами безопасности.

3. У подростков и молодежи с высокой пользовательской активностью, ощущающих себя живущими в смешанной и виртуальной реальностях, менее выражены страхи, связанные с физической реальностью, а также выше удовлетворенность жизнью.

Процедура и методы исследования

Сбор данных осуществлялся в два этапа, в ноябре 2021 г. и в октябре 2022 г. В 2021 г. выборку составили 1 087 человек 14–29 лет ($M = 17,5$), из них 72,6% женщин и 27,4% мужчин. В 2022 г. выборку составили 1 548 человек 14–30 лет ($M = 19,3$), из них 71% женщин и 29% мужчин. Исследование проводилось в Москве, Московской области, Ижевске, Новосибирске и Хабаровске.

Использовались следующие методы и методические приемы:

1. Пользовательская активность была измерена с помощью вопроса: «Сколько времени в среднем Вы проводите в Интернете в течение суток?» (шкала ответов от «Практически не провожу» до «12 часов и более» с шагом в 1 час), – с выделением групп: средняя (до 4 ч в сутки), высокая (5–7 ч

¹ См. также: World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>

в сутки) пользовательская активность и гиперподключенность (8 ч и более в сутки).

2. Ощущение проживания в реальном, виртуальном или смешанном мире было измерено с помощью вопроса: «Сегодня часто говорят, что мы живем в двух мирах – реальном и виртуальном. В каком мире живете Вы?» – в котором по 7 пунктам предлагалось выбрать один из трех вариантов: реальный мир; виртуальный мир; их сочетание, или смешанная реальность (пункты: я живу; для меня важно то, что происходит; я себя комфортно ощущаю; я реализую свои возможности; мне больше нравится общаться; мне нравится узнавать новое и учиться; больше радостных и положительных эмоций мне приносит). Результаты подсчитывались суммированием баллов трех субшкал с баллами от 0 до 7: 1) реального мира 2) онлайн-мира; 3) смешанной реальности.

3. Выраженность страхов оценивалась с помощью вопроса: «Выберите из этого списка, чего Вы боитесь больше всего?» – на основе списка, включающего 33 страха (Щербатых, 1999; Кемпински, 2000 и др.). Респонденты не были ограничены в количестве выбираемых пунктов. Для дальнейшего анализа страхи были поделены на группы по типам с опорой на исследования (Карвасарский, 1990; Щербатых, 1999): глобальные страхи (6) – крупные по своему масштабу явления, затрагивающие большие группы людей (война, экстремизм и терроризм, стихийные бедствия и катастрофы, резкие изменения в обществе (революции и т.д.), глобальное изменение климата и другие экологические проблемы, эпидемии); экзистенциальные страхи (5) – свобода, смысл жизни и т.д. (несвобода и зависимость, несвобода передвижения по миру, не быть счастливым, отсутствие смысла жизни, сделать в жизни неправильный выбор); политические страхи (4) – действия государства (плохое будущее для моей страны, ухудшение отношений между государствами, остаться без поддержки со стороны общества и государства в трудной ситуации, социальное неравенство); социальные страхи (7) – взаимоотношения с окружающими и социумом (несправедливость, отсутствие признания окружающих, разочаровать окружающих, осуждение, непонимание, одиночество, никогда не найти свою любовь, не быть принятым таким, какой я есть); страхи, связанные с самореализацией и индивидуацией (6) – реализация Я и собственное будущее (остановиться в своем развитии, стать скучным взрослым с кучей забот и проблем, не найти подходящую работу и не построить карьеру, бедность, не добиться успеха, стать таким же как все); страхи угрозы физическому благополучию (4) – реальные, объективные угрозы, которые могут привести к вреду здоровью или смерти себя и близких (болезнь и смерть близких, невозможность получить помощь при проблемах со здоровьем, преступления и насилие, моя болезнь). В каждую группу попадали те, кто выбирал хотя бы один страх из нее.

4. Шкала удовлетворенности жизнью (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985; адаптация Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (2008)).

5. Скрининговая версия Индекса цифровой компетентности (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013).

Обработка результатов проводилась с использованием IBM SPSS Statistics 27.0.1. с использованием ANOVA и статистического критерия χ^2 с величиной эффекта V Крамера.

Результаты

Картина страхов цифрового поколения. В соответствии с первой гипотезой в разные временные периоды были выявлены различия в выраженности групп страхов у подростков и молодежи. В 2021 и 2022 гг. картина страхов значимо различается как по всем категориям (табл.1), так и по каждому страхову в отдельности (табл. 2). По общему количеству выбранных страхов были обнаружены значимые различия в разные годы ($F = 1\,018,55$, $df = 1$, $p < 0,01$): в 2021 г. респонденты в среднем выбирали по 5 страхов, тогда как в 2022 г. – уже по 15.

Таблица 1

Распределение респондентов по категориям страхов (каждый респондент может относиться более чем к одной категории)

Группы страхов	2021 год	2022 год	χ^2	V Крамера
Глобальные страхи	42,7%	79,8%	383,64*	0,38*
Экзистенциальные страхи	54,4%	79,8%	192,69*	0,27*
Политические страхи	19,9%	69,8%	636,11*	0,49*
Социальные страхи	48,8%	75,2%	194,39*	0,27*
Страхи отсутствия самореализации	70,7%	87,5%	115,12*	0,21*
Страхи угрозы физическому благополучию	52,5%	81,4%	250,95*	0,31*

Примечание. * – значимые различия на уровне $< 0,01$

В оба года на первое место выходит страх болезней и смерти близких, но в 2022 г. число респондентов, выбравших этот страх, увеличилось почти в два раза – с 37,4 до 73,6%. Подобная картина наблюдается для всех страхов. Страх войны в 2022 г. передвинулся с 5-го на 2-е место, потеснив страх не построить карьеру. Число респондентов, отметивших этот пункт, увеличилось более чем в два раза. Страх одиночества, который в 2021 г. занимал 4-е место, в 2022 г. опустился до 18-го, а страх экстремизма и терроризма поднялся с 11-го на 7-е. Страх отсутствия смысла жизни опустился с 12-го на 19-е место, а страх осуждения – с 25-го на 31-е. Страхи плохого будущего для страны и ухудшения отношений между государствами в 2021 г. не выбирал никто, а в 2022 г. они поднялись на 10-е и 14-е места соответственно, и их отметил каждый второй респондент. Страх никогда не найти свою любовь, который в 2021 г. также мало выбирали как значимый, поднялся невысоко – с последнего, 33-го места на 27-е, однако в процентном соотношении выборки он вырос с 0 до 35,8%. Страх отсутствия признания окружающих в оба года стабильно выбирало меньше всего респондентов (не считая страхи, которые в 2021 г. не выбирал никто) (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение респондентов по каждому виду страха в порядке убывания
(каждый респондент может относиться более чем к одной категории)**

2022 год			2021 год		
№	Страхи	%	№	Страхи	%
1	Болезней и смерти близких	73,6%	1	Болезней и смерти близких	37,4%
2	Войны	67,8%	2	Не найти подходящую работу и не построить карьеру	36%
3	Не найти подходящую работу и не построить карьеру	64,7%	3	Бедности	33,5%
4	Бедности	62,2%	4	Одиночества	31,5%
5	Преступлений и насилия	60,8%	5	Войны	29,4%
6	Остановиться в своем развитии	59,6%	6	Несвободы и зависимости	27,4%
7	Экстремизма и терроризма	59%	7	Преступлений и насилия	24,9%
8	Несвободы и зависимости	58,7%	8	Не быть счастливым	23,7%
9	Не быть счастливым	54,5%	9	Не добиться успеха	19,9%
10	Плохого будущего для моей страны	53,7%	10	Остановиться в своем развитии	18,7%
11	Не добиться успеха	53%	11	Несправедливости	17,8%
12	Невозможности получить помощь при проблемах со здоровьем	52,4%	12	Отсутствия смысла жизни	17,6%
13	Несправедливости	50,8%	13	Стать скучным взрослым с кучей забот и проблем	15,7%
14	Ухудшения отношений между государствами	50,2%	14	Экстремизма и терроризма	15,5%
15	Стихийных бедствий, катастроф	48,7%	15	Стать таким же как все	14,6%
16	Стать скучным взрослым с кучей забот и проблем	47,8%	16	Стихийных бедствий, катастроф	13,8%
17	Невозможности свободно перемещаться по миру	46,4%	17	Остаться без поддержки со стороны общества и государства в трудной ситуации	13,7%
18	Одиночества	45,8%	18	Сделать в жизни неправильный выбор	12,0%
19	Отсутствия смысла жизни	45,5%	19	Невозможности получить помощь при проблемах со здоровьем	9,9%
20	Стать таким же как все	43,6%	20	Социального неравенства	9,6%
21	Сделать в жизни неправильный выбор	40,8%	21	Невозможности свободно перемещаться по миру	9,5%
22	Резких изменений в обществе (революций и т.д.)	40,4%	22	Не быть принятым таким, какой я есть	9,5%
23	Глобального изменения климата и других экологических проблем	39,7%	23	Моей болезни	8,5%
24	Социального неравенства	38,5%	24	Непонимания	8,1%
25	Моей болезни	38,2%	25	Осуждения	7,7%
26	Остаться без поддержки со стороны общества и государства в трудной ситуации	36,4%	26	Разочаровать окружающих	6,7%
27	Никогда не найти свою любовь	35,8%	27	Глобального изменения климата и других экологических проблем	6,2%

Окончание табл. 2

2022 год			2021 год		
№	Страхи	%	№	Страхи	%
28	Непонимания	33,7%	28	Резких изменений в обществе (революций и т.д.)	5,9%
29	Не быть принятым таким, какой я есть	32,6%	29	Эпидемий	5,7%
30	Эпидемий	28,7%	30	Отсутствия признания окружающих	5,7%
31	Осуждения	26%	31	Плохого будущего для моей страны	0%
32	Разочаровать окружающих	25,4%	32	Ухудшения отношений между государствами	0%
33	Отсутствия признания окружающих	25,2%	33	Никогда не найти свою любовь	0%

В 2021 г. женщины несколько чаще мужчин выбирали страхи из категории «Угрозы физическому благополучию» ($\chi^2 = 5,89$, $p < 0,05$; V Крамера = $-0,07$), а молодые люди чаще подростков выбирали пункты из категории «Глобальные страхи» ($\chi^2 = 8,84$, $p < 0,01$; V Крамера = $0,09$). В 2022 г. подростки чаще выбирали страхи из категории «Угрозы физическому благополучию» ($\chi^2 = 5,70$, $p < 0,05$; V Крамера = $-0,06$).

В соответствии со второй гипотезой в 2021 г. наблюдались различия в картине страхов респондентов в зависимости от их самооценки удовлетворенностью жизнью. Более удовлетворенные жизнью респонденты чаще выбирали глобальные страхи ($F = 18,92$, $df = 1$, $p < 0,01$) и страхи, связанные с угрозой физического благополучия ($F = 14,71$, $df = 1$, $p < 0,01$), а реже – страхи отсутствия самореализации ($F = 9,62$, $df = 1$, $p < 0,01$). В 2022 г. подобных различий уже не наблюдалось.

Картина страхов цифрового поколения и показатели цифровизации повседневности. В соответствии с третьей гипотезой были получены следующие результаты.

В 2021 г. молодые люди, предпочитающие жить в реальном мире, чаще выбирали глобальные страхи ($F = 6,63$, $df = 1$, $p < 0,05$) и страхи, связанные с угрозой физического благополучия ($F = 26,31$, $df = 1$, $p < 0,01$), но реже – страхи отсутствия самореализации ($F = 4,16$, $df = 1$, $p < 0,05$). В 2022 г. уже чаще выбирались страхи, связанные с угрозой физического благополучия ($F = 5,72$, $df = 1$, $p < 0,05$).

Предпочитающие цифровой мир, наоборот, реже выбирали глобальные страхи и в 2021 г. ($F = 7,75$, $df = 1$, $p < 0,05$), и в 2022 г. ($F = 4,31$, $df = 1$, $p < 0$) и страхи, связанные с угрозой физической безопасности, и в 2021 г. ($F = 9,78$, $df = 1$, $p < 0,01$) и в 2022 г. ($F = 7,26$, $df = 1$, $p < 0,05$).

Респонденты, которым больше нравится жить в смешанной реальности, в 2021 г. реже выбирали страхи, связанные с угрозой физической безопасности ($F = 15,71$, $df = 1$, $p < 0,01$). К 2022 г. число выбравших эти страхи значительно выросло ($F = 9,48$, $df = 1$, $p < 0,01$).

В 2021 г. респонденты, живущие в реальном мире, были более удовлетворены своей жизнью ($r = 0,32$, $p < 0,01$), а респонденты, живущие в сме-

шанной или виртуальной реальности, – менее удовлетворены ($r = -0,31$, $p < 0,01$ и $r = -0,21$, $p < 0,01$ соответственно). В 2022 г. связь удовлетворенности жизнью с этими показателями не была обнаружена.

По пользовательской активности различия в картине страхов наблюдались только в 2021 г.: чем большее количество часов респонденты проводили за цифровыми устройствами, тем чаще они выбирали страхи, связанные с отсутствием самореализации ($\chi^2 = 16,44$, $p < 0,01$; V Крамера = 0,12, $p < 0,01$). Респонденты с более высокой цифровой компетентностью в 2021 г. чаще выбирали экзистенциальные страхи ($F = 9,53$, $df = 1$, $p < 0,01$) и страхи отсутствия самореализации ($F = 8,47$, $df = 1$, $p < 0,01$), и реже – социальные страхи ($F = 10,12$, $df = 1$, $p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Общая картина страхов цифрового поколения в контексте глобальных кризисов. Анализ по выделенным группам страхов и отдельным страхам продемонстрировал ряд тенденций. В ноябре 2021 г., на фоне второй волны самоизоляции из-за пандемии коронавируса, у подростков и молодежи на первое место, лидируя с большим отрывом, вышли страхи, связанные с отсутствием самореализации. Они беспокоили почти 3/4 респондентов. Наиболее выраженными страхами из данной группы оказались опасения невозможности самореализации на рабочем месте – более трети респондентов боялись не найти работу и не построить карьеру, а также страх бедности – его выбрало около трети респондентов. По выраженности отдельных страхов они заняли второе и третье место соответственно. Первая и вторая волны самоизоляции были связаны с возможной потерей работы, закрытием части бизнесов и предприятий, необходимостью перевода сотрудников на удаленную работу и, соответственно, сменой формата деятельности, глобально изменившей рынок труда даже после завершения пандемии (Лайкам, Бикбаева, Павлова, 2021; Семенихина, 2022). На втором месте оказались экзистенциальные страхи: их выбирали чуть больше половины респондентов. Среди них на первые места вышли страхи несвободы и зависимости, занявшие шестое место – их доля составляет чуть менее трети. Пандемия с ее закрытием границ и ограничениями передвижения стала серьезным испытанием для страхов несвободы, заставляя людей переосмысливать ценность личной автономии и свободы перемещения. На третье место в 2021 г. вышла группа страхов, связанных с физическим благополучием, – ее также выбирали чуть более половины респондентов.

Больше всего цифровое поколение беспокоили потенциальные болезнь и смерть близких – этот страх был характерен для более чем трети опрошенных и занимал первое место по частоте выбора из отдельных страхов. В рейтинге страхов в первую десятку вошли страх одиночества, относящийся к группе социальных страхов (4-е место в 2021 г.), – его выбирали чуть менее трети респондентов, и страх войны, входящий в группу глобальных страхов (5-е место в рейтинге групп страхов в 2021 г.), – его также

выбирали чуть менее трети. Пандемия COVID-19, вызвав широкомасштабную тревогу, актуализировала разные группы страхов, от болезни и смерти до экономической нестабильности (Schweda et al., 2021; Peiró et al., 2022), но ко второй волне самоизоляции люди уже отчасти адаптировались к новому уровню риска и неопределенности (Митина и др., 2023, Nikoroulou et al., 2022).

Подростки и молодежь в 2022 г. по сравнению с 2021 г. выбирали в среднем в три раза больше актуальных для себя страхов. Результаты демонстрируют, что в ситуации социального кризиса человек утрачивает чувство контроля над своей жизнью, повышается общий уровень тревоги, приводящий к обострению страхов, связанных с внешними, непредсказуемыми силами, способными изменить жизнь в любой момент (Mauer, Littleton, Lim, Sall, Siller, Edwards, 2022; Carpinello, 2023). Ощущение беспомощности перед событиями, на которые человек не может повлиять, рождает чувство уязвимости и усугубляет страхи перед неизвестностью и неконтролируемыми изменениями. Поэтому хотя лидирующей группой в 2022 г., так же как и в 2021 г., оказались страхи, связанные с потерей возможностей самореализации и привычного уровня жизни, их выраженность через год значительно повысилась. Страх не найти работу и страх нищеты, занимающие в общем рейтинге страхов в 2022 г. 3-е и 4-е места, выбрали чуть менее 2/3 респондентов. На втором месте оказалась группа страхов, связанных с угрозой физического благополучия – их выбирали около 4/5 респондентов. Страх болезней и смерти близких из этой группы в общем рейтинге страхов 2022 г. занял первое место, этого боялись почти 3/4 опрошенных.

Третье место в групповом рейтинге поделили сразу два вида страхов – глобальные и экзистенциальные, их выбрали практически 4/5 опрошенных. Самым популярным глобальным страхом оказался страх военных действий, он занял второе место с долей выбравших его подростков и молодежи чуть более 2/3. Менее 3/5 боялись экстремизма и терроризма – этот страх занял 7-е место. Среди экзистенциальных страхов в первую десятку вошел страх несвободы, заняв 8-е место, – его выбирали более половины опрошенных. Из страхов, не вошедших в наиболее популярные группы, в первую десятку попали опасения за будущее своей страны, – немного более половины подростков и молодежи беспокоились об этом.

Страхи и удовлетворенность жизнью. В соответствии со второй гипотезой в ситуации пандемии у подростков и молодежи, отмечающих высокий уровень удовлетворенности жизнью, на первый план выходят страхи угрозы физическому благополучию и глобальные страхи как прямое следствие текущей актуальной угрозы, однако год спустя эти различия уже не наблюдаются. Удовлетворенность жизнью помогает справляться со страхами личной самореализации, но она не в полной мере способна помочь в ситуации социальных кризисов, когда угроза исходит не от личных неудач, а от внешних факторов, неподвластных контролю отдельного человека (Нестик, 2023, Скосарь, 2024). Удовлетворенность текущим уровнем жизни в кризисных ситуациях может даже усиливать опасения относительно изменений в будущем и потери существующего уровня комфорта.

Гипотеза о трансформации картины страхов в разные временные периоды подтвердилась. Страхи – это динамическая, ситуативная характеристика, меняющаяся в зависимости от контекста и условий жизни. Ранее в картине страхов и ценностей присутствовала тенденция на значительное превосходство страхов, связанных с отсутствием самореализации, однако в 2022 г. ее практически догнали страхи, связанные с угрозой физическому благополучию. С одной стороны, эта динамика отражает тенденцию роста ценностей выживания и беспокойства за сохранение базового уровня комфорта, что соответствует как общим прогнозам касательно поколений, так и особенностям исторического контекста (Пищик, Лобачева, 2020; Абрамова, Антонова, 2021). Коллективная психологическая травма, связанная с переживанием стресса и утратой контроля, способствует общему росту тревоги и депрессивных состояний у населения (Тарабрина и др., 2017; Morina, Stam, Pollet, Priebe, 2018), что наблюдается у российской молодежи: весной 2022 г. у 80% респондентов от 18 до 24 лет проявлялись симптомы депрессивного состояния, а у 60% – тревожных расстройств (Нестик, 2023). С другой стороны, страхи, связанные с самореализацией, все еще остаются на первом месте у современных подростков и молодежи, несмотря на окружающие их глобальные вызовы. Это в целом соответствует результатам последних исследований, которые показывают, что в ситуации ослабления острого субъективного переживания опасности ценности постепенно возвращаются к своей исходной структуре (Митина и др., 2023), что также способствует и изменению картины страхов.

Если судить по среднему количеству выбранных страхов на респондента, которое к 2022 г. увеличилось в три раза, то можно предположить, что цифровое поколение в связи с глобальными кризисами в целом обладает более высоким уровнем тревог и опасений. Общая ли эта тенденция или ситуативный «тревожный» всплеск, – вопрос остается открытым. Тем не менее в ряде «доковидных» исследований отмечается высокий уровень тревоги и депрессивных состояний, что рассматривается как поколенческая характеристика (Duffy, Twenge, Joiner, 2019; Lawrence, 2020).

Цифровое поколение: традиционные страхи, интернет-активность, переживание смешанной реальности и цифровая компетентность. Третья гипотеза подтвердилась частично. Наиболее удовлетворенными в период пандемии во время второй волны самоизоляции оказались респонденты, живущие реальной жизнью. Результат демонстрирует специфику ситуации того времени: в период самоизоляции множество аспектов жизни перешло в онлайн-формат. Для наших респондентов – подростков и молодежи – это в первую очередь учебный процесс, занимающий большую часть их времени. В такой ситуации образ жизни гиперподключенных молодых людей во время самоизоляции в еще большей степени перешел в онлайн-формат. Погружение в цифровое пространство и в «доковидное» время значительно сокращало пребывание в реальном мире, что, в свою очередь, могло негативно сказываться на удовлетворенности жизнью, а также повышать уровень тревоги и депрессивных состояний у цифрового по-

коления (Duffy, Twenge, Joiner, 2019; Lawrence, 2020). С другой стороны, способность сохранять длительный постоянный контакт со значимыми людьми с помощью технологий может снижать тревогу и страх потери контакта с близкими, что особенно актуально в условиях глобальных кризисов (Lestari, Yusuf, Hargono, Ahsan, Budi Setyawan, Damayanti, 2020; Snel, Engbersen, De Boom, Van Bochove, 2022; Yang, Huang, Huang, Nie, 2024).

Респонденты, которые больше сосредоточены на реальном мире, в оба года больше всего беспокоились о физической безопасности себя и близких, а в 2021 г. – еще и о глобальных событиях, что демонстрирует закономерное нарастание чувств страха и тревоги. Ситуация при этом меняется для представителей цифрового поколения, отмечающих для себя важность цифровой и смешанной реальности в их повседневной жизни. «Живущие» в виртуальном мире и смешанной реальности, наоборот, меньше беспокоились о физической безопасности и казались более равнодушными к глобальным кризисам. Молодые люди с более высоким уровнем интернет-активности и цифровой компетентности оказались более сфокусированными на личных проблемах, поиске себя и смысла жизни, самореализации, в то время как глобальные социальные события затрагивали их в меньшей степени. В некоторых исследованиях получены данные, что представители цифрового поколения обладают большей толерантностью к неопределенности (Бреслер, Алексеева, 2024), тогда как предыдущим поколениям более свойственны экзистенциальные страхи перед будущим (Twenge, 2023). Тем не менее и у молодых людей, живущих в смешанной реальности, в 2022 г. значительно вырос страх за физическую безопасность себя и близких.

Можно предположить, что цифровизация может выступать новым ресурсом для совладания со страхами реального мира. Жизнь в смешанной реальности, где границы между онлайн и офлайн размываются, а «цифровое» занимает значимое место, формирует другой взгляд на реальность, не ограниченную физическим миром. В этой смешанной реальности формируется ощущение связанности со всем миром, в ней обнаруживается больше возможностей адаптации к глобальным историческим событиям, а также возникают дополнительные способы контроля своей жизни с помощью цифровых устройств и платформ. Кроме того, уход в «цифровые пространства» – это современный способ представителей цифрового поколения абстрагироваться от опасного мира, способ избегания и преодоления традиционных страхов, позволяющий им адаптироваться к актуальной ситуации. Обнаруженные тенденции требуют дальнейшего уточнения в новых исследованиях.

Выводы

1. В ситуациях глобальных кризисов и у подростков, и у молодежи на первый план выходят страхи выживания: страхи за жизнь и здоровье близких, личную безопасность и опасения глобальных событий, не подвластных контролю человека. При столкновении с неразрешимой на данный момент ситуацией тревога актуализирует страхи, охватывающие разные

сферы жизни, порождая картину неопределенного и непредсказуемо опасного будущего. В связи с тем, что общий мировой тренд для подрастающих поколений в развитых странах в последние пару десятилетий устоялся в соответствии с вектором «от ценностей выживания к ценностям самореализации», при снятии глобальных угроз возможно быстрое преодоление таких страхов, а также страхов угрозы физическому благополучию, о чем свидетельствуют некоторые постковидные исследования.

2. Картина страхов подростков и молодежи в течение рассматриваемого временного периода претерпела изменения. Цифровое поколение, стремящееся к самореализации и индивидуальности, столкнулось с тем, что потенциально ограничивает эту жизненную сферу. Процесс самостановления молодых людей, стремление к личному успеху и свободе, что и так сопряжено с большими трудностями, сосуществует с тревогами о сохранении физического благополучия и уровня жизни, страхом перед неопределенностью своего будущего и своей страны. Поиск смысла и экзистенциальные вопросы приобретают новое звучание, переплетаясь со страхами перед утратой стабильности и неизбежным ускоренным темпом жизни в сложном, неопределенном, разнонаправленном мире, сочетающем в себе глобальные кризисы и стремительную цифровизацию. Глобальные события, таким образом, вносят свои изменения в традиционные для возрастов психологические кризисы, порождая новые задачи по совладанию с текущей ситуацией для человека, ее осмыслению и выработке способности жить в хрупком и тревожном мире.

3. Цифровизация всех жизненных сфер для цифрового поколения и новое пространство смешанной реальности, где физическое дополняется цифровым, – значимый ресурс для совладания с «традиционными» страхами, усиленными ростом неопределенности и вызовами реального мира. В то же время нельзя забывать, что сама смешанная реальность порождает множество новых страхов (зависимость от технологий, рост контроля со стороны IT-корпораций, кража персональных данных, нарушение приватности, страх перед развитием технологий и возможностью проиграть в соревновании с ИИ, лишиться своих цифровых устройств и онлайн-возможностей и др.) и трансформирует традиционные. Поэтому возможности использования такого ресурса для совладания со страхами или конструктивного преобразования их зависят от нашего понимания сложной картины страхов смешанной реальности.

Ограничением данного исследования в первую очередь является специфика временных промежутков, в которые проводился сбор данных, совпавших с наиболее кризисными периодами глобальных событий. Для уточнения выводов о наличии тех или иных тенденций в динамике картины страхов цифрового поколения необходимо провести дополнительный сбор данных в период, не сопряженный с глобальными кризисами. Другим ограничением являются изначальная заданность списка страхов и отсутствие страхов, связанных исключительно с цифровыми феноменами, что следует учесть в дальнейших исследованиях.

Литература

- Абакумова, Т. В. (2002). Классификация основных видов страха современного общества. В кн.: *Социальная психология: диалог Санкт-Петербург – Якутск: материалы науч. конф. 25–26 октября 2001 г.* (с. 133–140). СПб.: СПбГУ.
- Абрамова, С. Б., Антонова, Н. Л. (2021). Жизнь в режиме онлайн в условиях пандемии: страхи и тревоги молодого поколения. В сб.: Т. А. Сеньюшкина (ред.). *Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сб. науч. тр. XXXVII Международ. Харакского форума: в 2 т.* (т. 1; с. 3–9). Симферополь: Тип. «Ариал».
- Баринов, Д. Н. (2019). Страх как социальный феномен. *Гуманитарный научный вестник*, 2, 39–48. doi: 10.5281/zenodo.3236740
- Бердяев, Н. А. (2019). *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*. М.: Директ-Медиа.
- Бреслер, М. Г., Алексеева, Н. А. (2024) Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 8(2), 165–173. doi: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173
- Витковская, М. И. (2003). Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии. *Вестник РУДН. Сер. Социология*, 4-5, 86–91.
- Гоббс, Т. (1989). *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль.
- Даль, В. И. (1863). *Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4.* М.: Изд. О-ва любителей российской словесности.
- Декарт, Р. (1989). *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль.
- Дерябин, В. С. (1944). Эмоции как источник силы. *Наука и жизнь*, 10, 21–25.
- Дьяченко, О. Н. (2018) Конструирование человеческой личности в эпоху патристики. *Гуманитарные исследования*, 1(18), 33–36.
- Захаров, А. И. (2000). *Дневные и ночные страхи у детей*. СПб.: Союз.
- Камю, А. (2021) *Бунтующий человек. Миф о Сизифе*. М.: АСТ.
- Карвасарский, Б. Д. (1990). *Неврозы*. М.: Медицина.
- Кемпински А. (2000). *Страх*. В кн.: Л. В. Куликова (ред.). *Психические состояния* (с. 230–231). СПб.: Питер.
- Кёлер, Х. (2003). *Загадка страха*. М.: Эвидентис.
- Кьеркегор, С. (2014). *Понятие страха*. М.: Акад. проект.
- Лайкам, К. Э., Бикбаева, А. Р., Павлова, Е. К. (2021). Влияние пандемии коронавируса на рынок труда. *Федерализм*, 26(4), 5–19. doi: 10.21686/2073-1051-2021-4-5-19
- Леонтьев А.Н. (1971) Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Мамонтов, С. Ю. (2002). *Страх. Практика преодоления*. СПб.: Питер.
- Матвеева, С. Я., Шляпентох, В. Э. (2000). *Страхи в России: в прошлом и настоящем*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Митина, О. В., Первичко, Е. И., Чиждова, А. Р., Конюховская, Ю. Е. (2023). Структура ценностей во время пандемии COVID-19. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(4), 773–795. doi: 10.17323/1813-8918-2023-4-773-795
- Нарбут, Н. П., Троцук, И. В. (2014). Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации. *Теория и практика общественного развития*, 2, 69–74.
- Нестик, Т. А. (2023) Психологическое состояние российского общества в условиях СВО. *СоциоДиггер*, 4(9(28)). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo#_ftn18
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В сб.: *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Ин-т социологии РАН; Рос. о-во социологов. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf

- Пищик, В. И., Лобачева, А. О. (2020). Объекты веры и страхи студентов – представителей «информационного» и «нового» поколений. В сб.: Л. М. Митина (ред.). *Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психологопедагогической науке и практике: сб. тр. XVI междунар. науч.-практ. конф.* (с. 251–254). М.: Психологический ин-т РАО.
- Риман, Ф. (1999). *Основные формы страха*. М.: Алетейя.
- Сартр, Ж.-П. (2015). *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. М.: АСТ.
- Семенихина, Д. А. (2022). Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда в России. В сб.: Е. Г. Князева и др. (ред.). *Весенние дни науки: сб. докладов Междунар. конф. студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.* (с. 569–574). Екатеринбург: УрФУ.
- Скосарь, В. С. (2024). Особенности проявления социальных страхов у молодежи. *Актуальные исследования*, 7(189), 74–77.
- Солдатова, Г. У., Войсунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики*, 18(3), 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Солдатова, Г. У., Нестик, Т. А., Рассказова, Е. И., Зотова, Е. Ю. (2013). *Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования*. М.: Фонд Развития Интернет.
- Спиноза, Б. (2020). *Этика*. М.: Юрайт.
- Тарабрина, Н. В., Харламенкова, Н. Е., Падун, М. А., Хажуев, И. С., Казымова, Н. Н., Быховец, Ю. В., Дан, М. В. (2017). *Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности*. М.: Ин-т психологии РАН.
- Фрейд, З. (1925). *По ту сторону принципа удовольствия*. М.: Современные проблемы. Н.А. Столляр.
- Фрейд, З. (2018). *Введение в психоанализ: лекции*. М.: Эксмо-пресс.
- Щербатых, Ю. В. (1999). *Психология страха*. М.: Эксмо-Пресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 17.02.2025 г.; повторно 11.04.2025 г.;
принята 18.04.2025 г.

Солдатова Галина Уртанбековна – руководитель Научно-образовательного центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности, заведующая кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа; профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Общеакадемического факультета РАНХиГС, академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Илюхина Светлана Николаевна – научный сотрудник Научно-образовательного центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности Московского института психоанализа; психолог кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Клишевич Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра изучения личности в цифровой и смешанной реальности Московского института психоанализа; инженер кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: anastasia.klishevich@yandex.ru

For citation: Soldatova, G. U., Ilyukhina, S. N., Klishevich, A. S. (2025). What Teenagers and Young People are Afraid of: Fears of the Digital Generation in the Context of Global Crisis Situations. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 96, 159–178. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/96/8

What Teenagers and Young People are Afraid of: Fears of the Digital Generation in the Context of Global Crisis Situations

G.U. Soldatova^{1,2}, S.N. Ilyukhina², A.S. Klishevich²

¹ RANEPa, 84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, 34, build. 14, Kutuzovsky Pr., Moscow, 121170, Russian Federation

Abstract

The work is devoted to studying the dynamics of fear patterns among adolescents and young people in Russia during 2021–2022. **The purpose** of the study is to examine the expression and dynamics of fears during the second wave of self-isolation amid the pandemic and the special military operation. It focuses on representatives of the digital generation with varying levels of user activity, sense of life in mixed reality, and digital competence. The study sample included 1,087 individuals aged 14–29 in 2021 and 1,548 individuals aged 14–30 in 2022. **Methods.** User activity and the sense of living in mixed reality were measured using closed-ended multiple-choice questions. Respondents selected fears from a provided list of 33 items. Additional methods included a life satisfaction scale and a screening version of the digital competence index. **Results.** In both years, the digital generation expressed the greatest concern about the potential illness and death of loved ones. By 2022, fears related to threats to physical well-being reached the same level of intensity as fears related to self-actualization. In 2021, adolescents and young adults with higher life satisfaction reported living in the real world ($r = 0.32^{**}$) and were most concerned about threats to physical well-being ($F = 14.71^{**}$) and global problems ($F = 18.92^{**}$). During this period, respondents with higher user activity ($\chi^2 = 16.44^{**}$, Cramer's $V = 0.12^{**}$) and digital competence ($F = 8.47^{**}$) were more likely to worry about a lack of self-actualization. Additionally, in 2021, respondents who reported living in the real world were more satisfied with their lives ($r = 0.32^{**}$). By 2022, these differences had diminished. **Conclusions.** In situations of global crises, the digital generation's fears shift from self-actualization to survival-related concerns, such as fears for the life and health of loved ones, personal safety, and global events beyond their control but affecting them. However, based on global trends, if threats are removed, it is possible to quickly transition from survival-oriented values back to self-realization values. Global events reshape the landscape of young people's fears and present new challenges in coping with change and developing strategies for living in an anxious world. For the digital generation, the digitalization of all spheres of life and the emergence of mixed reality – where the physical is complemented by the digital – serve as significant resources for addressing "traditional" fears, which are further intensified by growing uncertainty and challenges of the real world.

Keywords: digital generation; global crises; fears; digital socialization; adolescents; young people; user activity; life satisfaction

References

Abakumova, T. V. (2002). Klassifikatsiya osnovnykh vidov strakha sovremennogo obshchestva [Classification of the main types of fear in modern society]. In *Sotsial'naya psikhologiya: dialog Sankt-Peterburg – Yakutsk* [Social Psychology: Dialogue St. Petersburg – Yakutsk] (pp. 133–140). St. Petersburg: SPbSU.

- Abramova, S. B., & Antonova, N. L. (2021). Zhizn' v rezhime onlayn v usloviyakh pandemii: strakhi i trevogi mladogo pokoleniya [Life online in a pandemic: fears and anxieties of the younger generation]. In T. A. Senyushkina (Ed.), *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety* [Political space and social time: global challenges and civilizational responses]: Vol. 1 (pp. 3–9). Simferopol: Arial.
- Bandura, A. (1977). *Social-learning theory*. New York: General Learning press.
- Barinov, D. N. (2019). Strakh kak sotsial'nyy fenomen [Fear as a Social Phenomenon]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, 2, 39–48. doi: 10.5281/zenodo.3236740
- Berdyayev, N. A. (2019). *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow: Direkt-Media.
- Bresler, M. G. & Alekseeva, N. A. (2024) Zhivushchie v tsifrovom mire. Nadezhda i strakh budushchego u pokoleniya Z [Living in a Digital World. Hope and Fear of the Future among Generation Z]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 8(2), 165–173. doi: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-165-173
- Camus, A. (2021) *Buntuyushchiy chelovek. Mif o Sizife* [The Rebellious Man. The Myth of Sisyphus]. Translated from French. Moscow: AST.
- Carpiniello, B. (2023). The Mental Health Costs of Armed Conflicts-A Review of Systematic Reviews Conducted on Refugees, Asylum-Seekers and People Living in War Zones. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(4), 2840. doi: 10.3390/ijerph20042840
- Dal, V. I. (1863). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Izd. O-va lyubiteley rossiyskoy slovesnosti.
- Deryabin, V. S. (1944). Emotsii kak istochnik sily [Emotions as a source of strength]. *Nauka i zhizn'*, 10, 21–25.
- Descartes, R. (1989). *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from French. Moscow: Mysl'.
- Diener, E. D., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. doi: 10.1207/s15327752jpa4901_13
- Duffy, M. E., Twenge, J. M., & Joiner, T. E. (2019). Trends in Mood and Anxiety Symptoms and Suicide-Related Outcomes Among U.S. Undergraduates, 2007–2018: Evidence From Two National Surveys. *Journal of Adolescent Health*, 65(5), 590–598. doi: 10.1016/j.jadohealth.2019.04.033
- Dyachenko, O. N. (2018) Konstruirovaniye chelovecheskoy lichnosti v epokhu patristiki [Construction of the human personality in the era of patristics]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 1(18), 33–36.
- Fontenelle, L. F., Albertella, L., Brierley, M. E., Thompson, E. M., Destr'ee, L., Chamberlain, S. R., & Yücel, M. (2021). Correlates of obsessive-compulsive and related disorders symptom severity during the COVID-19 pandemic. *Journal of Psychiatric Research*, 143, 471–480. doi: 10.1016/j.jpsychires.2021.03.046
- Freud, S. (1925). *Po tu storonu printsipa udovol'stviya* [Beyond the pleasure principle]. Translated from German. Moscow: Sovremennyye problemy. N.A. Stollyar.
- Freud, S. (2018). *Vvedenie v psikhoanaliz: leksii* [Introduction to the Psychoanalysis: Lectures]. Translated from German. Moscow: Eksmo-press.
- Hobbes, T. (1989). *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl'.
- Inglehart, R., & Weizel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Karvasarskiy, B. D. (1990). *Nevrozy* [Neuroses]. Moscow: Meditsina.
- Kempinski, A. (2000). Strakh [Fear]. In L. V. Kulikova (Ed.), *Psikhicheskie sostoyaniya* [Mental states] (pp. 230–231). St. Petersburg: Piter.
- Kierkegaard, S. (2014). *Ponyatie strakha* [The concept of fear]. Moscow: Akad. proekt.

- Knowles, K. A., & Olatunji, B. O. (2021). Anxiety and safety behavior usage during the COVID-19 pandemic: The prospective role of contamination fear. *Journal of Anxiety Disorders*, 77, 102323. doi: 10.1016/j.janxdis.2020.102323
- Kohler, H. (2003). *Zagadka strakha* [The Mystery of Fear]. Translated from German. Moscow: Evidentis.
- Lawrence, K. C. (2020). Traumatizing factors influencing interpersonal relationships of university students. *Cogent Psychology*, 7(1), 1835383. doi: 10.1080/23311908.2020.1835383
- Laykam, K. E., Bikbaeva, A. R., & Pavlova, E. K. (2021). Vliyanie pandemii koronavirusa na rynek truda [The Impact of the Coronavirus Pandemic on the Labor Market]. *Federalizm*, 26(4), 5–19. doi: 10.21686/2073-1051-2021-4-5-19
- Leontiev, A.N. (1971) *Potrebnosti, motivy, emotsii* [Needs, Motives, Emotions]. Moscow: Moscow State University.
- Lestari, R., Yusuf, A., Hargono, R., Ahsan, A., Budi Setyawan, F. E., & Damayanti, N. A. (2020). The impact of social capital, demographic factors, and coping strategies on community adaptation in supporting people with severe mental illness. *Journal of Public Health Research*, 9(2), 1838. doi: 10.4081/jphr.2020.1838
- Mamontov, S. Yu. (2002). *Strakh. Praktika preodoleniya* [Fear. Overcoming Practice]. St. Petersburg: Piter.
- Matveeva, S. Ya., & Shlyapentokh, V. E. (2000). *Strakhi v Rossii: v proshlom i nastoyashchem* [Fears in Russia: Past and Present]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
- Mauer, V., Littleton, H., Lim, S., Sall, K., Siller, L. & Edwards, K. (2022). Fear of COVID-19, anxiety, and social support among college students. *Journal of American College Health*, 72, 1–8. doi: 10.1080/07448481.2022.2053689
- Mitina, O. V., Pervichko, E. I., Chizhova, A. R., & Konyukhovskaya, Yu. E. (2023). Struktura tsennostey vo vremya pandemii COVID-19 [The Structure of Values during the COVID-19 Pandemic]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(4), 773–795. doi: 10.17323/1813-8918-2023-4-773-795
- Morina, N., Stam, K., Pollet, T. V. & Priebe, S. (2018) Prevalence of Depression and Post-traumatic Stress Disorder in Adult Civilian Survivors of War Who Stay in War-Afflicted Regions. A Systematic Review and Meta-Analysis of Epidemiological Studies. *Journal of Affective Disorders*, 239, 328–338. doi: 10.1016/j.jad.2018.07.027
- Narbut, N. P., & Trotsuk, I. V. (2014). Strakhi i opaseniya rossiyskogo studentchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of Russian students: possibilities of empirical recording]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2, 69–74.
- Nestik, T. A. (2023) Psikhologicheskoe sostoyanie rossiyskogo obshchestva v usloviyakh SVO [Psychological state of Russian society in the context of the SVO]. *SotsioDigger*, 4(9(28)). Retrieved from https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiyskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo#_ftn18
- Nikopoulou, V. A., Gliatas, I., Blekas, A., Parlapani, E., Holeva, V., Tsipropoulou, V., Karamouzi, P., ... Diakogiannis, I. (2022). Uncertainty, Stress, and Resilience During the COVID-19 Pandemic in Greece. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 210(4), 249–256. doi: 10.1097/NMD.0000000000001491
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Testing Russian-language versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. In *Materialy III Vse-rossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Russian Society of Sociologists. Retrieved from http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
- Peiró, J. M., Luque-García, A., Soriano, A., & Martínez-Tur, V. (2023). Fears during the Covid-19 pandemics and their influence on physical health: A cross-sectional study on the general population in Spain. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 23(2), 100361.

- Pishchik, V. I. & Lobacheva, A. O. (2020). Ob"ekty very i strakhi studentov – predstaviteley "informatcionnogo" i "novogo" pokoleniy [Objects of Faith and Fears of Students - Representatives of the "Information" and "New" Generations]. In L. M. Mitina (Ed.), *Mezhpokolencheskie otosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskie vybory v psikhologopedagogicheskoy nauke i praktike* [Intergenerational Relations: Modern Discourse and Strategic Choices in Psychological and Pedagogical Science and Practice] (pp. 251–254). Moscow: Psychological Institute, Russian Academy of Education.
- Riman, F. (1999). *Osnovnye formy strakha* [Main Forms of Fear]. Moscow: Aleteyya.
- Rodríguez-Rey, R., Garrido-Hernansaiz, H., & Collado, S. (2020). Psychological impact of COVID-19 in Spain: Early data report. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(5), 550.
- Sartre, J.-P. (2015). *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated from French. Moscow: AST.
- Schweda, A., Weismüller, B., Bäuerle, A., Dörrie, N., Musche, V., Fink, M., ... Skoda, E. (2021). Phenotyping mental health: Age, community size, and depression differently modulate COVID-19-related fear and generalized anxiety. *Comprehensive Psychiatry*, 104, 152218. doi: 10.1016/j.comppsy.2020.152218
- Semenikhina, D. A. (2022). Vliyanie pandemii COVID-19 na rynek truda v Rossii [The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Labor Market in Russia]. In E. G. Knyazeva et al. (Eds.), *Vesennie dni nauki* [Spring Days of Science] (pp. 569–574). Ekaterinburg: UrFU.
- Shcherbatykh, Yu. V. (1999). *Psikhologiya strakha* [Psychology of Fear]. Moscow: Eksmo-Press.
- Skosar, V. S. (2024). Osobennosti proyavleniya sotsial'nykh strakhov u molodezhi [Manifestation of Social Fears in Young People]. *Aktual'nye issledovaniya*, 7(189), 74–77.
- Smolnikova, L. V., Gorskikh, O. V., Raitina, M. Yu. & Suslova, T. I. (2020) Social Fears of Youth as an Actual Problem of a Modern University. *Proceedings of the Conference "Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives", 25–27 March 2020, St. Petersburg, Russia*, 685691. doi: 10.1007/978-3-030-47415-7_72
- Snel, E., Engbersen, G., De Boom, J., & Van Bochove, M. (2022). Social Capital as Protection Against the Mental Health Impact of the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Sociology*, 7. doi: 10.3389/fsoc.2022.728541
- Soldatova, G. U., & Voyskunskiy, A. E. (2021). Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki []. Social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey Shkoly Ekonomiki*, 18(3), 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Soldatova, G. U., Nestik, T. A., Rasskazova, E. I., & Zotova, E. Yu. (2013). *Tsifrovaya kompetentnost' rossiyskikh podrostkov i roditeley: rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya* [Digital competence of Russian adolescents and parents: Results of an all-Russian study]. Moscow: Fond Razvitiya Internet.
- Spinoza, B. (2020). *Etika* [Ethics]. Translated from Latin. Moscow: Yurayt.
- Tarabrina, N. V., Kharlamenkova, N. E., Padun, M. A., Khazhuev, I. S., Kazymova, N. N., Bykhovets, Yu. V., & Dan, M. V. (2017). *Intensivnyy stress v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti* [Intensive stress in the context of psychological safety]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
- Tomkins, S.S. (1970). *Affect as the Primary Motivational System*. In M. Arnold (Ed.), *Feelings and Emotions* (pp. 101–110). New York: Academic Press.
- Twenge, J. M. (2023). *Generations. The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and America's Future*. New York: Atria books. Simon & Schuster.
- Vitkovskaya, M. I. (2003). Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniya "stra-kha" v sotsiologii [Theoretical and methodological problems of studying "fear" in sociology]. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya*, 4–5, 86–91.

Yang, Y., Huang, Y., Huang, J., & Nie, F. (2024). The role of social capital in the impact of multiple shocks on households' coping strategies in underdeveloped rural areas. *Science Report*, 14, 14218. doi: 10.1038/s41598-024-65206-x

Zakharov, A. I. (2000). *Dnevnye i nochnye strakhi u detey* [Daytime and Night Fears in Children]. St. Petersburg: Soyuz.

Received 17.02.2025; Revised 11.04.2025;

Accepted 18.04.2025

Galina U. Soldatova – Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Personality in Digital and Mixed Reality, Head of the Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis; Professor of the Personality Psychology Chair, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of the School of Anthropology of the Future of the All-Academic Faculty of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), D. Sc. (Psychol), Professor.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana N. Pyukhina – Researcher of the Scientific and Educational Center for the Study of Personality in Digital and Mixed Reality, Moscow Institute of Psychoanalysis; Psychologist of the Personality Psychology Chair, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: svetla.iluhina@gmail.com

Anastasia S. Klishevich – Junior Researcher of the Scientific and Educational Center for the Study of Personality in Digital and Mixed Reality, Moscow Institute of Psychoanalysis; Laboratory Technician of the Personality Psychology Chair, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: anastasia.klishevich@yandex.ru